

Глава 1

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

— Если бы десять лет назад кто-нибудь сказал мне, каким чудесным переменам предстоит произойти здесь, я не поверила бы, — сказала миссис Джо, обращаясь к миссис Мег, когда тихим летним днем обе они сидели на веранде Пламфильда, глядя вокруг с выражением гордости и радости.

— Это одно из тех чудес, какие способны совершать деньги и добрые сердца. Я уверена, что невозможно даже представить более благородного памятника мистеру Лоренсу, чем этот колледж, на который он с такой щедростью выделил деньги в завещании. И память о тете Марч, несомненно, всегда будет жива, пока в ее бывшем имении существует это учебное заведение, — отозвалась миссис Мег, которая всегда охотно хвалила людей за глаза.

— Помнишь, в детстве мы верили в фей и придумывали, о чем попросим их, если они предложат нам исполнить три наших желания? Разве не похоже на то, что мои три желания исполнились? У меня есть деньги, слава и любимая работа, — сказала миссис Джо, сцепив руки за головой по давней детской привычке и не обращая внимания на то, что отчаянно взъерошивает при этом волосы.

— Мои желания также осуществились, и Эми может сколько душе угодно наслаждаться всем, о чем мечтала. Если бы дорогая мама, Джон и Бесс были с

нами, здесь царило бы совершеннейшее счастье, — добавила Мег с дрожью нежности в голосе, так как место мамы теперь пустовало.

Джо положила ладонь на руку сестры, и обе несколько минут сидели молча, глядя на прекрасный пейзаж и думая о грустном и о радостном.

Действительно, все выглядело так, будто здесь не обошлось без чуда: за прошедшие годы тихий Пламфильд превратился в чрезвычайно оживленный маленький мир. Приобрел еще более гостеприимный вид сам дом, заново выкрашенный, с пристроенными к нему флигелями, с заботливо ухоженными лужайкой и садом, с лежащей на всем печатью зажиточности, которой не было прежде, когда повсюду носились буйные мальчишки, а Баэры с трудом сводили концы с концами. На холме, где прежде пускали воздушных змеев, стояло теперь великолепное здание колледжа, выстроенное на средства, которые были завещаны с необыкновенной щедростью мистером Лоренсом. Повсюду по дорожкам, протоптанным некогда детскими ножками, ходили энергичные студенты, и множество молодых мужчин и женщин с удовольствием пользовались всеми преимуществами, которые богатство, мудрость и благожелательность попечителей колледжа смогли им обеспечить.

Прямо у ворот Пламфильда уютно расположился среди деревьев хорошенький коричневый коттедж, очень похожий на прежнюю Голубятню, а на зеленом склоне к западу от него сверкал на солнце новый белоколонный особняк Лори. Когда стремительно растущий город окружил со всех сторон старый дом Марчей, разделался с тихим «гнездышком» Мег и осмелился поставить мыловаренный завод под самым носом негодующего мистера Лоренса, все наши друзья перебрались в Пламфильд, и начались великие перемены.

Были эти перемены исключительно приятными, а пережить горе, вызванное кончиной любимых стариков, оказалось легче благодаря тем добрым дарам, что они оставили после себя. Так что теперь маленькое сообщество процветало, а мистер Бээр, ныне ректор, и мистер Марч, занявший пост священника колледжа, с радостью наблюдали, как замечательно воплощается в жизнь их давняя заветная мечта. Сестры распределили между собой заботы о молодежи: каждая из них выбрала для себя ту роль, что подходила ей лучше всего. Мег была добрым и заботливым другом молодых женщин, Джо — доверенным лицом и защитницей всех молодых людей, а Эми — настоящей «леди Щедрость»*, которая деликатно устраняла все препятствия материального характера, возникавшие на пути бедных студентов, и так сердечно принимала их всех у себя, что они — и в этом нет ничего удивительного — называли ее прелестный дом Парнасом**, так полон был он музыки, красоты и высокой культуры — всего того, к чему стремятся молодые сердца и юношеская фантазия.

Те двенадцать мальчиков, что воспитывались здесь, когда школа еще только была создана, разлетелись за прошедшие годы в разные края, но все, кто был жив, по-прежнему помнили старый Пламфильд и не раз возвращались из самых дальних уголков земли, чтобы рассказать обо всем, что пережили, посмеяться над прежними забавами и потом, освеженными и бодрыми, вернуться к своим новым трудам и обязанностям; ведь

* Леди Щедрость — действующее лицо пьесы «Военная хитрость шеголя» ирландского драматурга Джорджа Фаркуара (1678–1707). *Здесь и далее примеч. пер.*

** Парнас — в древнегреческой мифологии — гора, на которой обитают Аполлон, бог солнца, и музы, богини-покровительницы наук и искусств.

такие поездки домой и воспоминания о счастливых днях детства помогают сердцам сохранять нежность, а рукам — оставаться заботливыми. В нескольких словах мы изложим историю каждого из мальчиков, а затем сможем продолжить рассказ новой главой их жизни.

Франц, которому уже исполнилось двадцать шесть, работал в Германии в фирме одного дальнего родственника, гамбургского торговца, и дела у него шли отлично. А Эмиль был, несомненно, самым веселым «матросиком» из всех, кто когда-либо «бороздили океан». Дядя отправил его в долгое плавание, надеясь, что это вызовет у юноши отвращение к полной опасностей жизни моряка, но тот вернулся домой в полном восторге, и стало ясно: это его призвание. Тот же гамбургский торговец предоставил молодому родственнику возможность начать службу на одном из своих кораблей, так что паренек был совершенно счастлив. Дэн по-прежнему оставался бродягой. Сначала он участвовал в геологических изысканиях в Южной Америке, потом попробовал разводить овец в Австралии, а теперь принимал участие в разработке новых рудников в Калифорнии. Нат учился в консерватории и готовился провести год или два в Германии, чтобы завершить там музыкальное образование. Том изучал медицину и отчаянно старался полюбить свою будущую профессию. Джек занимался коммерцией вместе с отцом, и его задачей было как можно скорее сделать состояние. Долли поступил в Гарвардский университет; он, Стаффи и Нед изучали юриспруденцию. Бедный Дик умер, и Билли тоже, но никто не мог скорбеть об этом, так как их жизнь никогда не стала бы счастливой при их тяжелых физических и умственных недостатках.

Теда и Роба называли «Лев и Ягненок», поскольку младший был так же необуздан, как царь зверей, а

старший — так же кроток, как самая кроткая овечка из всех, что когда-либо бляели на этом свете. Миссис Джо называла Роба «моя доченька» и считала его самым обязательным и исполнительным из всех детей, находя в нем множество мужских достоинств, скрытых под мягкими манерами и деликатностью. Зато в Теде она, казалось, могла наблюдать в новой форме все недостатки, причуды, честолюбивые мечты и озорство собственной юности. Со своими вечно встрепанными рыжеватыми кудрями, длинными ногами и руками, громким голосом и неиссякаемой энергией, Тед был заметной фигурой в Пламфильде. Случались у него, примерно раз в неделю, периоды мрачной угрюмости, и тогда он увязал в Болоте Уныния, откуда его неизменно спасали терпеливый Роб или мать, которая хорошо знала, когда следует оставить его в покое, а когда расшевелить. Тед был ее гордостью и радостью, но так же и источником огорчений. Он всегда казался необыкновенно способным для своего возраста подростком и демонстрировал зачатки самых разных талантов, так что вопрос о том, кем же этот замечательный юноша станет, когда вырастет, очень занимал материнский ум.

Деми с отличием закончил колледж, и миссис Мег горячо желала видеть его священником, рисуя в фантазиях и первую проповедь, которую произнесет ее достойный молодой пастырь, и долгую, полезную жизнь, какую он будет вести, пользуясь всеобщим уважением. Но Джон, как она его теперь называла, решительно отказался от поступления в богословскую академию, заявив, что устал от книг и считает необходимым узнать побольше о людях и мире, и глубоко разочаровал любящую мать решением попробовать себя на журналистском поприще. Это стало для нее настоящим ударом; но она знала,

что не следует пытаться навязывать свое мнение юным умам и что опыт — лучший учитель, а потому позволила сыну заняться тем, к чему лежит душа, хотя по-прежнему надеялась в конце концов увидеть его на церковной кафедре. Тетя Джо рвала и метала, когда узнала, что в семье появится репортер, и тут же наградила его прозвищем «Дженкинс»*. Ей нравилось, что племянник проявляет литературные наклонности, но, как мы увидим в дальнейшем, у нее были все основания питать отвращение к «любопытствующим по должности». Деми, однако, твердо знал, чего хочет, и невозмутимо претворял в жизнь свои планы, оставаясь равнодушным как к увещаниям озабоченных матери и теток, так и к насмешкам приятелей. Лори, которого теперь чаще называли «дядей Тедди», поощрял его и предрекал ему великолепную карьеру, вспоминая Диккенса и других знаменитостей, которые также начали с репортерской работы, а затем стали знаменитыми романистами или владельцами крупных газет.

У девочек тоже все было хорошо. Дейзи, такая же милая и хозяйственная, как прежде, оставалась другом и помощницей матери. Джози, в свои четырнадцать, была чрезвычайно оригинальной юной особой с большой любовью к шалостям и с немалым количеством разных причуд, последней из которых стала неодолимая страсть к театру, доставлявшая ее сдержанным матери и сестре столько же тревог, сколько и веселья. Бесс превратилась в высокую, красивую девушку с теми же привлекательными манерами и изысканным вкусом, которыми отличалась маленькая Принцесса, и с богатством талантов, унаследо-

* Дженкинс — имя нарицательное, обозначающее интервьюера, умело льстящего важным и знаменитым людям.

ванных от отца и матери и развиваемых с помощью всего, что только могли обеспечить любовь и деньги. Но гордостью маленького сообщества стала Сумасбродка Нэн: подобно многим неугомонным, своевольным девочкам, она постепенно превращалась в полную энергии молодую женщину и подавала большие надежды, что всегда происходит, когда честолюбивая девушка находит самую подходящую для себя работу. Нэн начала изучать медицину в шестнадцать лет и теперь, когда ей уже исполнилось двадцать, без всяких сомнений и колебаний продолжала учебу, так как к этому времени, благодаря другим умным и образованным женщинам, доступ в колледжи и больницы был уже открыт для нее. Она не меняла цель жизни с тех детских дней, когда, сидя на старой иве вместе с Дейзи, так поразила свою маленькую подругу словами: «Я не хочу возиться ни с какой семьей. У меня будет кабинет с кучей бутылочек, ящичков и всяких там разных пестиков, и я буду разъезжать везде на лошади или в экипаже и лечить больных людей». Будущее, предсказанное когда-то маленькой девочкой, теперь быстро приближала упорным трудом молодая женщина, и учеба доставляла ей такую радость, что никакие соблазны не могли заставить ее отказаться от избранной профессии. Несколько достойных молодых людей попытались убедить ее изменить намерения и, вслед за Дейзи, предпочесть «хорошенький маленький домик и семью, чтобы о ней заботиться». Но Нэн только смеялась в ответ и обращала влюбленных в бегство предложением показать ей, как специалисту, язык, что произносил слова любви, или брала профессиональным жестом предлагаемую ей мужскую руку, чтобы сосчитать пульс. И в результате все оставили попытки завоевать ее расположение — все, кроме одного упорного молодого человека, который

оставался таким преданным Трэдлсом*, что было невозможно охладить его пыл.

Этим молодым человеком был Том, который оказался настолько же привязан к возлюбленной детских лет, насколько она сама к своим «пестикам», и постоянно предоставлял ей трогательные доказательства верности. Он изучал медицину ради одной Нэн, не испытывая никакого внутреннего влечения к будущей профессии и проявляя явную склонность к коммерции. Но Нэн была непреклонна в своих стремлениях, и Том, чтобы оставаться поближе к ней, упорно продолжал учебу, всей душой надеясь, что не станет причиной смерти большого числа своих ближних, когда начнет врачебную практику. Впрочем, эти двое оставались самыми добрыми друзьями, а перипетии ухода за Томом за его суровой возлюбленной доставляли много веселых минут их знакомым.

В тот самый день, когда миссис Мег и миссис Джо беседовали на веранде, Нэн и Том направлялись в Пламфильд. Впрочем, не вместе. Нэн бодро шагала в одиночестве по тенистой загородной дороге, думая об интересном случае какого-то заболевания, а Том несясь сзади, рассчитывая нагнать ее, как будто случайно, когда предместья останутся позади, — его обычная уловка, которая составляла неотъемлемую часть всей игры.

Нэн была красивой девушкой, со свежим цветом лица, ясными глазами, живой улыбкой и горделивой осанкой, какая всегда бывает у молодых женщин, имеющих цель в жизни. Одета она была просто и практично, шагала легко и казалась полной сил и

* Томми Трэдлс — действующее лицо романа Ч. Дикенса (1812–1870) «Дэвид Копперфилд», молодой человек, долго и терпеливо ожидавший возможности жениться на своей возлюбленной.

бодрости, с широко развернутыми плечами, свободными взмахами рук в такт шагам, энергией юности и здоровья в каждом движении. Некоторые встречные даже оборачивались, чтобы посмотреть ей вслед: им было приятно видеть здоровую, счастливую девушку, шагающую за город в такой чудесный день. Эти их чувства явно разделял раскрасневшийся молодой человек, который, пыхтя, мчался за ней, со шляпой в руке, и каждый тугой завиток кудрявых волос на его голове вздрагивал от нетерпения.

Вскоре ветерок донес до Нэн негромкое «Привет!». Она приостановилась и попыталась — совершенно безуспешно — сделать вид, будто удивлена, а затем любезно отозвалась:

— Ах, это ты, Том!

— Похоже, что я. Подумал, что ты, возможно, пойдешь сегодня за город, — и веселое лицо Тома засияло от удовольствия.

— Ты отлично знал, что я пойду. Как твое горло? — спросила Нэн самым профессиональным тоном, который всегда помогал ей гасить неуместные мужские восторги.

— Горло? О! А! Да, помню. Все в порядке. Лекарство, которое ты прописала, действовало самым чудесным образом. Я больше никогда не назову гомеопатию жульничеством.

— На этот раз ты сам жульничал, и такими же жульническими были таблетки, которые я тебе дала. В них не содержалось никакого лекарства. Если сахар и молоко могут излечивать дифтерию таким замечательным образом, я это, пожалуй, возьму на заметку. О Том, Том, неужели ты никогда не покончишь со своими вечными проделками?

— О Нэн, Нэн, неужели ты никогда не перестанешь обводить меня вокруг пальца?

И они весело засмеялись друг над другом, точно так же, как делали это в прежние времена, которые всегда живо вспоминались им, когда они шагали в Пламфильд.

— Я же знаю, что, скорее всего, не увижу тебя целую неделю, если только не выдумаю какой-нибудь предлог для визита в твою приемную. Ты все время так отчаянно занята, что мне никак с тобой не поговорить, — объяснил Том.

— Тебе тоже следовало бы заниматься делом и быть выше подобных глупостей. Право же, Том, если ты не станешь посвящать все свое внимание учебе, ты никогда ничего не добьешься, — заметила Нэн серьезно.

— Мне этой учебы и так вполне хватает, — отвечал Том, всем своим видом выражая отвращение. — Человек должен хоть немного развлечься, после того как целыми днями вскрывает трупы. Я не могу долго выдерживать это занятие без перерыва, хотя некоторым оно, похоже, доставляет огромное удовольствие.

— Тогда почему не бросить медицину и не заняться чем-нибудь более подходящим? Ты же знаешь, я всегда считала, что ты делаешь глупость, — сказала Нэн с чуть заметным выражением озабоченности в пронизательных глазах, пытаясь найти признаки болезни на лице, румяном, как красное яблочко.

— Ты знаешь, почему я выбрал эту профессию и почему я останусь верным ей, даже если она меня убьет окончательно. Хоть с виду, возможно, и не скажешь, что я слаб здоровьем, но у меня застарелое сердечное недомогание, и оно рано или поздно сведет меня в могилу. Только одна докторша во всем мире может меня вылечить, но не хочет.

Выражение задумчивого смирения на лице Тома было и забавным, и трогательным; он говорил с чув-

ством и продолжал делать такого рода намеки без малейшего поощрения со стороны собеседницы.

Нэн нахмурилась, но она уже привыкла к подобным речам и знала, как лечить Тома.

— Эта докторша применяет лучшее и незаменимое лекарство, но еще не было на свете такого трудноизлечимого пациента. Ты был на том балу, как я велела?

— Был.

— И посвятил все свое внимание хорошенькой мисс Уэст?

— Танцевал с ней целый вечер.

— И никакого воздействия на твое любвеобильное сердце?

— Ни малейшего. Один раз я зевнул ей в лицо, потом забыл принести ей угощение и вздохнул с облегчением, когда сдал ее с рук на руки ее мамаше.

— Принимай дозу этого лекарства как можно чаще и наблюдай за симптомами. Я прогнозирую, что постепенно тебя начнет к этому тянуть.

— Никогда! Я уверен, что на мой организм это не подействует.

— Увидим. Выполняй предписания врача! — отвечала она сурово.

— Хорошо, доктор, — кротко кивнул он.

На минуту воцарилось молчание; затем, словно яблоко раздора было забыто под влиянием приятных воспоминаний, вызванных знакомыми видами, Нэн неожиданно сказала:

— Как весело мы, бывало, играли в том лесу! Помнишь, как ты свалился с большого орехового дерева и чуть не сломал себе ключицу?

— Еще бы не помнить... и как ты натирала меня без конца настойкой полыни, пока я весь не сделался красно-коричневым, а тетя Джо все причитала из-за

моей испорченной курточки, — засмеялся Том, снова став на минуту мальчишкой.

— А как ты устроил в доме пожар?

— А как ты убежала на станцию за своей коробкой?

— Ты когда-нибудь говоришь теперь «Тыща черпаха»?

— Кто-нибудь еще называет тебя «Сумасбродкой»?

— Да, Дейзи!.. Милая Дейзи, я не видела ее целую неделю.

— Я встретил Деми сегодня утром, и он сказал, что она сейчас ведет хозяйство в доме мамы Баэр.

— Она всегда помогает тете Джо, когда та погружается в «водоворот». Дейзи — образцовая домохозяйка, и я советую тебе добиваться ее расположения, раз уж ты не можешь взяться за учебу как следует и подождать, пока станешь взрослым, прежде чем начать ухаживать за девушками.

— Нат разбил бы свою скрипку о мою голову, если бы я только намекнул на что-нибудь в таком роде. Нет уж, спасибо. Другое имя начертано на моем сердце, и это имя невозможно стереть так же, как синий якорь на моем плече. «Надежда» — мой девиз, «Никогда не сдаваться» — твой; увидим, кто будет держаться более стойко.

— Вы, глупые мальчики, думаете, что мы должны разбиться на парочки, как в прежние дни, когда были детьми; но мы не собираемся заниматься этой чепухой... Как хорошо отсюда выглядит Парнас! — воскликнула Нэн, снова неожиданно меняя тему разговора.

— Дом великолепный; но я все же больше люблю старый Пламфильд. Вот удивилась бы тетя Марч, если бы увидела, как все здесь изменилось! — откликнулся Том, когда они оба задержались у боль-

ших ворот, чтобы полюбоваться пейзажем, который открылся их взгляду.

Неожиданный вопль заставил обоих вздрогнуть. Перед ними появился, перепрыгнув через живую изгородь, точно кенгуру, высокий мальчик со встрепанными рыжеватыми волосами. За ним последовала худенькая девочка, которая застряла в кустах боярышника и повисла там, смеясь, словно маленькая фея. Это была очаровательная девчушка с кудрявыми темными волосами, блестящими глазами и выразительным лицом. Ее шляпа упала с головы и висела на завязках у нее за спиной, а юбки заметно пострадали от ручьев, через которые она перебиралась вброд, деревьев, на которые влезала, и последнего прыжка, добавившего несколько огромных прорех.

— Нэн, пожалуйста, сними меня отсюда! А ты, Том, держи Теда! У него моя книга! Она мне нужна! — крикнула Джози с высоты живой изгороди, ничуть не смущенная неожиданным появлением ее друзей.

Том тут же схватил грабителя за воротник, а Нэн вытащила Джози из колючего куста и поставила на ноги, не произнеся при этом ни слова упрека. Она сама была в детстве сорванцом, а потому очень снисходительно относилась ко всем, кто отличался такими же склонностями.

— В чем дело, дорогая? — спросила она, закалывая булавкой самую длинную прореху на юбке Джози, пока та разглядывала царапины на своих руках.

— Я сидела на иве и учила роль, а Тед подкрался и выбил книжку у меня из рук палкой. Книжка упала в ручей, и, прежде чем я успела слезть, он схватил ее и бросился наутек. Негодник, сейчас же отдай книжку, или я надеру тебе уши! — крикнула Джози, одновременно смеясь и сердясь.